

Младший из Созыва

Заря ломает мою клятву и свергает меня с небес, говорят все кто ходит в цепях;

Если вращающиеся колеса – это то, что придёт, то я лучше умру напрасно!

Лорд возьми этого сына в руку, я буду смотреть, пока не ослепну;

Кому нужны глаза, чтобы привести их домой? На крыльях свободы мы полетим!

Я напевал лёгкую мелодию, занимаясь своими делами: радужный свет нового дня озарял самые дальние уголки Аликоса и его территорий. Погода стояла приятная – в такую рань было ещё достаточно прохладно, чтобы можно было носить культовое одеяние, не проклиная кириоса который его придумал. С Ионии дул ветерок, который успокаивал пот на лбу труженика и напоминал ему, что по окончании работ его ждут чистые волны.

Обычно, в столь ранний час я бы ещё крепко спал. Сегодня, однако, был необычный день. Это была Крония, день, когда рабы отдыхали, а их хозяева трудились вместо них. Даже молодой столп Розовой Зари не был исключением из традиции, и вот я здесь. Работая с первых лучей солнца, чтобы другие могли отдохнуть.

— Почтенный Этос, прошу вас – нам не нужно столько древесины!

Хотя признаться, я, возможно, вышел за рамки строго установленных обязанностей. Но что ещё должен был делать культиватор, если не лучшее на что способен?

— Я же сказал тебе называть меня сегодня Ставросом, — укорил я взволнованного раба, вырывая из земли ясень.

Его звали Тон, и он обычно находился в гимнасии, так что я сталкивался с ним чаще, чем с обычными рабами в Розовой Заре. У него было что-то вроде одержимости боксом, он всегда наблюдал за посвящёнными краем глаза, пока занимался своими делами. И если судить по его вдавленному и кривому носу, он делал больше, чем просто наблюдал, пока был в компании своих товарищей по рабству.

Для посвящённых в культ было обычным делом служить хотя бы одному рабу в течение дня. Как правило, семья Этосов развлекала старших слуг, а остальные мистики выбирали тех, кто им больше нравился. Это был интересный опыт, по крайней мере, и более одной маловероятной пары собирались вместе на день, когда все были равны под солнцем.

В прошлом году, я провёл этот день вместе с братьями во дворе, ухаживая за семейными прудами, пока старейшие из слуг нашего поместья рассказывали нам истории о поколении нашего деда и о подвигах, совершенных его величайшими культиваторами. За год до этого я

был в садах, которые мать моего отца взращивала ещё до рождения молодых столпов, тщательно вырывая сорняки и ухаживая за лилиями, розами и нежными хризантемами.

Крония была праздником, презирующим все естественные иерархии, в идеале. В реальности же, на моём месте обычно находился бы менее важный посвящённый, собирающий древесину для ночных костров и ремонта. Даже в такой день у молодого столпа Розовой Зари были более подходящие дела. Тем не менее, я был здесь.

Сегодняшний день был необычным во многих отношениях.

Могучий ясень застонал и сдался в какофонии трескающегося дерева. Я вырвал его из земли, вместе с корнями и всем остальным, и взвалил на правое плечо, дыша в ровном ритме, который разделит напряжение и разогнал его через моё тело. Дыхание охотничьей птицы было медитативной техникой, из-за которой я держал обиду на моего отца в детстве, за то, что он заставил меня научиться ей, и которой я теперь был благодарен за каждый вдох, что она мне давала.

Я посмотрел на другое сваленное дерево, которое я отбросил в сторону после того, как нашёл это, – мягкий кипарис, который мог бы достичь крыши гимнасия, если бы я посадил его внутри. Я осторожно опустился на колени, балансируя ясень одной рукой, пока я просовывал другую под центр тяжести кипариса.

Тон присел по другую сторону выкорчеванного кипариса и изо всех сил потянул его вверх. Я щёлкнул языком, но принял его помощь, перекатив огромное дерево на стиб моей руку и взвалив его на свободное плечо.

— Это твой день, Тон, — сказал я ему. Мужчина отшатнулся на шаг, с красным лицом и сбитым дыханием. — Мальчишки засунут меня в бочку, если ты покалечишься, пытаюсь помочь мне с моей долей.

— Да, почтенный Этос. — Сломанный нос раба гротескно сморщился в ухмылке. Я рассмеялся.

— Уродливый, высокомерный раб. — Я встал, осторожно повернувшись так, чтобы ни одно из деревьев на моих плечах не ударило об окружающий лес. — Идём. Мы опоздаем на обед, если не поторопимся домой, и что тогда я буду делать со всеми уроками вежливости, что мне даёт твоя сестра?

Тон ударил меня в незащищённый бок. Это причинило ему больше вреда чем мне, учитывая кандалы в которые он был закован, но это был хороший удар для человека без пневмы. Он был внимателен, пока работал в гимнасии.

Я рассматривал пёстрые леса долины впереди и Алый Город за ней. Тон злобно ругался рядом со мной, разминая ушибленную руку.

— Твоя сестра бьёт сильнее, — рассеянно сказал я и усмехнулся, получив пинок в заднюю часть колена в качестве ответа. — Но форма неплохая. Ты явно тренировался.

— Я скромный раб, — сквозь скрежет зубов сказал Тон, ковыляя за мной, и он будет продолжать до конца утра. — Я бы никогда не попытался присвоить себе возвышенные боевые приёмы Розовой Зари.

— Естественно, нет, — согласился я, поворачиваясь в его сторону. Тон вскрикнул и пригнулся, когда ясень, балансирующий на моём правом плече, едва не сбил его с ног. — Ах, моя ошибка. Этот скромный софист неопытен в делах рабочих людей.

— Это видно.

Тон был здравомыслящим человеком и хорошо знал свою работу в культе. В любой другой день он бы и не подумал разговаривать так с посвящённым Розовой Зари, не говоря уже обо мне. Но Крония пробуждала в нас всё самое лучшее. Так что сегодня, и только сегодня, я позволю ему язвить.

— Знаешь, ты стал лучше не только в боевых искусствах. Я слышал, ты неплохо зарабатываешь, играя на этой своей флейте для женщин во внешних поместьях. За последние два года ты заработал почти достаточно, чтобы оплатить свою свободу.

Тон поднял бровь: «Молодой аристократ следил за мной?»

— Этот молодой аристократ следил за тобой. У Молодого Аристократа есть дела поважнее.

— Прошу извинения, — тут же сказал он, его лицо исказила уродливая гримаса. — Я оговорился.

Порой это было странно, видеть как действительно выглядит человек без сияния его жизненной сущности, чтобы сгладить его внешние недостатки. Даже самые низшие Граждане пользовались преимуществом постепенного совершенствования, пока их пневма текла свободно и беспрепятственно. Чтобы стать членом любого великого культа тайн, даже такого жалкого как Розовая Заря, человек должен был быть по-настоящему одарённым. Это означало, что почти все мужчины, женщины и дети, которых адепт видел ежедневно, были неестественно приятны глазу. Каждый из них на несколько шагов ближе к божественному стандарту, чем обычный бродяга. Не говоря уже о варварах.

Рабы в наших поместьях держали нас в смирении. Не имея возможности культивировать добродетель, их жизненная сущность была скована железом и цепями, они смиряли нас во многих смыслах. Они были живым напоминанием о том, как далеко мы зашли, внешне и внутренне. И напоминанием о том, как далеко нам ещё предстоит пройти.

И они были утешением для младших. Даже самые низшие посвящённые могли утешить себя тем, что они не самые уродливые на горе.

— Я отзываю свои извинения.

Я моргнул: «С какой целью?»

— Ты только что подумал о чём-то мерзком. Это было написано на твоём лице.

— Очаровательно. Я бы попробовал прочитать твоё, но кто-то смял папирус.

— О нет, пожалуйста, — сказал он ровным монотонным, — только не моё эго. — Я ухмыльнулся и снова крутанул деревьями, заставив его присесть.

Мы продолжили путь к Алому Городу и восточному горному хребту за ним в том же духе, дружелюбно беседуя и время от времени обмениваясь колкостями, чтобы сделать дорогу веселее. Это была освежающая смена темпа по сравнению с его обычным молчаливым согласием. Тон, который подносил мне полотенца и смазывал моё тело оливковым маслом перед раундом в октагоне, был таким же рабом, как и все остальные, лишь едва заметный своей неспособностью игнорировать хороший боксёрский матч. Тон, которому я решил прислуживать в течение Кронии, был совсем другим человеком.

И кем-то с кем я был бы не прочь почаще вести беседы. Хаа. Как и всегда, мой брат был прав. Проклятье.

— Почтенный Этос, — в конце концов произнёс Тон после продолжительного затишья в разговоре. Я ничего не ответил, продолжая напевать ту же мелодию, что и раньше. Он вздохнул. — Ставрос.

— Да?

Мы уже почти вернулись, солнце стремительно приближалось к зениту. Конечно, я мог бы проделать этот путь за половину времени, если не за четверть. Но я попросил Тона показать мне, где находится хорошая древесина, и было бы невежливо оставить его после этого. Особенно сегодня. Хотя полагаю, это было нормально, в конце концов, у меня не было особенно жёстких сроков для этого задания.

— Почему ты следишь за мной? — спросил он, наконец, набравшись смелости. Ему потребовался весь мучительный поход через город, — который вряд ли был удобным для человека, тащившего на плечах два дерева, — и половина пути к восточному горному хребту, но, в конце концов, он таки смог это сделать.

— Потому что, — ответил я, — молодой столп Розовой Зари имеет привилегию спонсировать

любого человека по своему выбору, когда приходит время обрядов. До тех пор, пока мы проведём их через обряды и возьмём на себя ответственность за их дальнейшую деятельность в культе, мы можем выбрать любого кого захотим. Даже раба.

Тон споткнулся. Я услужливо опустил плечо, чтобы он мог ухватиться за одну из качающихся веток выкорчеванного ясеня.

— Ты хочешь сказать, — заикаясь, проговорил он. — Ты... спонсируешь меня? Для Розовой Зари?

— Если ты этого достоин, — ответил я, с некоторым усилием пожав плечами. Дыхание охотничьей птицы рассеивало напряжение, связанное с переноской двух деревьев, словно они были простыми палками, но это было долгое путешествие. И я всё ещё был всего лишь философом. — Это в моих силах назначить раба, но я бы предпочёл этого не делать. Понимаешь? На твоём месте я бы играл особенно сладко на этой твоей флейте для девушек из младших поместий и приписывал бы мелодии любой смысл, который бы им нравился. Они будут платить тебе больше, в таком случае.

— Значит, если я буду свободен в следующем году...

— Если ты будешь чего-то стоить в следующем году, — оборвал я его. Ужасно грубо с моей стороны, да ещё и в Кронию. Но увы, у меня не было столько же терпения к смертным, сколько было у моих братьев. — Заплати за свою свободу как можно скорее и начинай культивировать в себе добродетель. Подражание тому, что делают культиваторы в гимназии с кандалами на запястьях, — это одно. А выполнять боевую форму так, как она должна была быть выполнена, — совсем другое. Дай себе столько времени, сколько сможешь, чтобы стать таким же боксёром, как я, и я посмотрю, чего ты действительно стоишь, когда снова начнутся испытания.

— Ставрос... Это... — Раб с уродливым, избитым лицом тяжело сглотнул. — Я невероятно польщён...

— Я бы предпочёл, чтобы ты был польщён до слез, — сказал я, недовольно сморщив нос. — Если судить по остальным твоим выражения, то твоё плачущее лицо должно быть гротескным.

Раздался придушенный смех. Тон уткнулся ладонями в глаза, задержав их на секунду, а затем злобно натирая. Когда он убрал их, его глаза стали ясными и яркими.

— Спасибо, — искренне сказал он. Я пренебрежительно хмыкнул. Я ещё ничего ему не обещал — ничего, что ему не пришлось бы взять самому. — Но прости меня и, пожалуйста, не пойми неправильно — почему?

— Почему?

— Почему я? — поправил он. — Сколько я здесь живу, молодые столпы Розовой Зари не спонсировали ни одной души - вольноотпущенника или нет.

Наконец мы поднялись на внешнюю часть вершины восточного горного хребта, сойдя с истёртых и разбросанных тропинок, и начали подниматься по резным ступеням, ведущим к Культуре Розовой Зари.

— Почему? — Это был хороший вопрос. И я был уверен, что на него есть хороший ответ. Но, к сожалению, я не знал, какой именно. Всё что я знал - это то, что мне сказали.

— Нам нужно восемь.

— Интересно, — сказал я вместо этого и направился к центральному павильону, где с наступлением сумерек будет разожжена основная часть ночных костров.

— Что... - юный Этос, что это? Как ты думаешь, сколько костров мы зажигаем сегодня? Где ты вообще нашёл кипарис такого размера?!

Трагедия из трагедий, я всё-таки принёс слишком много.

— Простите этого скромного софиста, старейшина, — сказал я, склонив голову, пока старый философ ворчал и рубил древесину, которую я принёс вместе с дюжиной меньших посвящённых. — Мне не хватает мудрости слуги. Позвольте мне исправить это упущение.

Младший мистик встревоженно пискнул, когда я оттолкнул его в сторону и впился пальцами в мягкую кору кипариса, отдирая от ствола длинную полосу коры. Старый философ, старейшина по имени Поэкас, культивировавший умение убаюкивать меня своими лекциями, вздохнул и взволнованно зачесал густую седую бороду.

— Делай что хочешь, юный Этос. Сегодня мы все рабы...

— Готово, — сказал я, удовлетворённо хлопая в ладоши. Младшие мистики и старший философ устали на кипарис и ясень, с которых я резкими взмахами рук и чуточкой пневмы снял кору и ветки.

— Юный Этос, — медленно произнёс Поэкас. — Стволы всё ещё целы.

— Неприятное зрелище, согласен, — сказал я, решительно кивнув. — Я уберу их с глаз твоих, почтенный старейшина.

— Подожди...

Но было уже поздно. Бодрая прогулка молодого столпа по другую сторону восточного горного хребта была равна полному спринту старого учёного, даже с двумя свежесрезанными стволами деревьев, водружёнными мне на плечи, чтобы замедлить меня. Тон что-то крикнул, когда я оставил их работать, но он уже выполнил свою задачу на сегодня и он всё равно был слишком медленным. Мой срок не был жёстким, но это не означало, что я могу потратить весь день. Если бы я так поступил, то оказался бы последним.

И я отказывался быть последним.

Краем глаза, словно по воле провидения, я заметил, как из окна главного поместья кириоса выпрыгнул грубо красивый культиватор с лицом, идентичным моему. Он пропарил в воздухе, крепко держа в руках массивный свёрток алой ткани, а на его красивом лице играла дикая ухмылка. Когда он пронёсся по воздуху и приземлился на гору рядом со мной, мы с моим братом-близнецом встретились взглядами.

Фотиос Этос крикнул и показал мне палец.

Мы добрались до причала в одно и то же время.

— Первый! — крикнул Фотиос, победно подбрасывая в воздух свой свёрток алой ткани.

— Наглость, — пыхтел я, разъярённый и измученный в равной степени. Я стряхнул с плеч ясень и кипарис, каждый из которых при падении на пляж вздымал обжигающе белый песок.

— Мы пришли сюда одновременно!

— Как тебе вкус моей пятки, Став?

Я сплюнул и повалил красивого ублюдка на песок.

— Никто из вас не был первым, — раздался весёлый голос, тихое шипение сдвигаемого песка и нависшая тень над нашими головами. Второй по старшинству из нового поколения ухмыльнулся, склонившись над нами обоими, положив одну руку на бедро, а другую — на рукоять своего меча на поясе. — Я пришёл сюда несколько часов назад и был только вторым.

— Это не считается, — сразу же сказал Фотиос. — Он никуда не уходил с прошлой ночи.

— И никому нет дела до тебя, Гиро, — добавил я. Наш старший брат насмешливо хмыкнул и пнул песок нам в лица.

— Ну тогда поднимайтесь, — сказал Анаргирос Этос, повернувшись к деревянной конструкции на восточной стороне пляжных доков. — Дэймон — всего лишь один человек, а этот корабль не построит себя сам.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3641466>